

Тансуллан БАБИЧЕВА

По канонам великих предков

Родители

Я часто вспоминаю мою первую осознанную встречу с мамой. Мне было лет пять. Мы играли с сестренкой во дворе. Вдруг открываются ворота и входит удивительной красоты молодая женщина. На ней была белая шелковая блузка с короткими рукавами и крепжоржетовая юбка в белый цветочек на черном фоне. Вьющиеся волосы ее аккуратно уложены в прическу. Открытое и лучащееся лицо дышало румянцем. Она держала в руке небольшой чемоданчик, это было ее возвращение из санатория имени Чехова после продолжительного реабилитационного периода. Сестренка побежала к ней с радостным возгласом: «Мама!», а я не могла сдвинуться с места. Я, как сейчас, помню свое осознанное восприятие и свои мысли: «Неужели такая красивая женщина может быть и моей мамой?» Я воспринимала ее отстраненно, с трепетом и благоговением. Этот образ часто преследовал меня, и я несколько раз повторяла его на сцене впоследствии в разных ролях. Да, это была именно чеховская героиня, хотя тогда, конечно, я этого не могла понимать. Ее облик просился на полотно художника, он мог бы быть прообразом киногероини, но по тем временам ни художников, ни режиссеров рядом не было.

Дагий Акрамович Бабичев

Я часто думаю: если бы не произошло той сакраментальной встречи двух молодых людей — моих будущих родителей, встречи, не первой в их жизни (ведь в обыденности они были уже давно знакомы), но судьбоносной, когда мелькнула между ними искра любви, непреодолимого магнетизма, без этой встречи не было бы и меня на земле, во всяком случае не было бы такой, какая я есть сейчас, с определенной внешностью, генами, способностями и склонностями, то есть «в маму и папу». Так, если бы Дагий Акрамович Бабичев и Нуруния Шайхлисламовна Вафина, мои будущие родители, не встретились по случайному стечению

обстоятельств в августе 1952 года, кто знает, по какому сценарию пошла бы их жизнь.

Они оба 1927 года рождения, оба закончили Давлекановское башкирское педагогическое училище. Только Дагий (в документах имя написано как «Догий», хотя правильно звучит Дахи, что означает «гений») учился на два курса старше. Дагий — единственный сын Мадхинур Хайрулловны, завуча училища, красавец, голубоглазый брюнет, отличник, секретарь комсомольской ячейки, активист, он пользовался большим авторитетом среди своих однокурсников. Увлекался литературой, уже в студенчестве сам начинал писать, сначала в училищную стенгазету, затем в районную. Писал стихи, пел, играл в драмкружке. Очевидцы рассказывали мне, как здорово он играл Шатмурата, героя пьесы Баязита Бикбая «Карлугас». Он был аккуратист, всегда подтянутый, следящий за своим внешним видом. Его однокурсницы позже рассказывали: «Дагий до такого блеска начищал сапоги, что в них можно было смотреться, как в зеркало». Словом, он был тайной мечтой многих девушек училища. Нурания же тогда и помыслить о нем не могла, не тот уровень. Она приехала поступать в педучилище после 9 класса, из деревни Ново-Мрясово. Это было военное время — 1943 год. Пошла сдавать документы, попросили фотографию. Зашла в первую попавшуюся палатку на базаре, где фотографировали эвакуированные евреи, ей быстро сделали фото с клише «Помни обо мне». Сколько смеху вызвало фото у приемной комиссии, и потом она смеялась над своей первой фотографией. Сейчас это фото со мной, только теперь оно вызывает во мне щемящую грусть, словно мама через время и пространство обращается ко мне со словами «Помни обо мне...»

Так вот, в стенах училища встреча еще не произошла. Дагий ухаживал за другими девушками. Нурания старательно училась, жила на квартире, где хозяйка использовала ее как бесплатную домработницу, а вечером, экономя керосин, тушила лампу, не давала даже возможности приготовить домашнее задание. Питалась Нурания впроголодь, одевать было нечего, поэтому старалась быть незаметной, никуда лишний раз не высовываться.

Дагий так пишет в своей автобиографии: «Окончив педучилище, я около двух месяцев проходил военную подготовку в Рижском авиационном училище разведчиков и до призыва в ряды РККА в 1944 году работал завучем и преподавателем русского языка и литературы в Аюхановской семилетней школе Давлекановского района. С 1944 по апрель 1951 года служил в рядах Советской Армии».

На фронт он не успел попасть. День Победы встретил в сержантской школе в Алкино, в свой день рождения. 9 мая ему исполнилось восемнадцать. Отслужил 7 лет и демобилизовался из армии. Пьянящий воздух свободы, начало новой жизни, наверное, возымели свое действие. Дагий за год успел поработать учителем, сотрудничая в редакции районной газеты, жениться, но неудачно, похоронить дочь, умершую в младенчестве, развестись и поступить в Литературный институт им. М.Горького. А Нурания за это время попадает совсем в другие обстоятельства. Приехав домой в Мрясово на каникулы, девушка вышла вечером на молодежную

*Нурания Шайхлисламовна
Вафина. 1950-е годы.*

вечеринку за околицей. Да приключилась неожиданно беда: девушка приглянулась пареньку из дальней деревни, который тут оказался с друзьями. Недолго думая, схватили они девушку, накрыли попоной, погрузили в телегу и ускакали — словом, украли. Привезли в деревню Теперишево, в дом к старикам невесткой. Сколько ни плакала Нурания, ни требовала отпустить — тщетно. Старики взмолились: «Как же ты вернешься домой? Все подумают, что ты обещена, смеяться будут, никто на тебе не женится. А мы сейчас никак прочтем, завтра к твоим родителям поедем, все расскажем, сосватаем, все честь по чести. Оставайся, доченька...» Так и осталась Нурания, решив, что это ее судьба. Пошла работать в школу. Вскоре мужа забрали в армию, а у Нурании родился сын, назвали Эльбрус, но и ему не уготовано было жить долго. В годовалом возрасте он подхватил воспаление легких. На лошади свекор отвез их в Давлекановскую больницу, там ребеночек скончался. Мама вспоминала впоследствии, как страшно было потерять ребенка, как выдали ей тельце сына из морга. И поскольку ни сообщить в деревню не было возможности, ни увезти их домой было некому, ей пришлось добираться самой с мертвым мальчиком на руках. Села в поезд до станции Шингак-Куль, а дальше пешком до деревни 15 км. Как не разорвалось сердце матери от боли и отчаяния, как не оставили силы и хватило воли совершить последний ритуал, прощаясь со своим первенцем? Ведомо сие только Аллаху. Больше ничто не связывало ее с этим местом. Она попрощалась со стариками и уехала к своим родителям, которые на то время переехали из Мрясово в Давлеканово, купили дом по улице Иткуловской, 54. Этот дом и сейчас стоит на углу, неподалеку наискосок от дома, где жили Бабичевы, по улице Иткуловской, 39, мать и сын. Но сын в то время учился уже в Москве.

Позже, в годы своей учебы, я общалась с людьми, знавшими отца. По их впечатлениям, разрозненным репликам, воспоминаниям я приближалась к пониманию его внутреннего мира. В дневниковых записях Рами Гарипова есть строки, отражающие время их учебы в Москве. Он давал мне их прочесть при жизни, задолго до того, как дневники были опубликованы.

Из дневника Рами Гарипова:

«18 марта 1952 г.

*Р.Гарипов и Д.Бабичев —
студенты Литинститута*

...Вчера Дагий получил письмо от Мустая Карима. Я в этом году не получил ни строчки, хоть и посылал ему свои стихи. Меня это беспокоит. Обидно. Но не будем обижаться. Будем работать и работать — это лучшее решение.

Письмо Д.Бабичева Рафаэлю Сафину. 26 мая 1952 г.

Спасибо за письмо! Но вряд ли скоро смогу приехать домой, начнутся экзамены. От-

правил «Весенний вальс» (музыка Сальманова, слова мои) в радиокомитет на имя Шарипова. Пожалуйста, сообщи, как воспримут, привлеки товарища Ф.Кудашеву и сам среди молодежи ознакомь. Стихи у Мустая Карима, у него и последняя поэма «Колак».

Жму руку, Дагий.

28 мая 1952 г.

Солнце светит. Небо такое ясное. Я пошел на зарядку, Даги остался просматривать газеты, лежавшие на тумбочке. Не успел я закончить зарядку, как вышел Дагий. Его взгляд был потухшим, лицо потемнело, душа казалась опустошенной.

— Прощай, Рами! — сказал он и, нахлобучив свою шляпу, медленно побрел. Возможно, мы не сможем стать настоящими друзьями. Вместе нам очень сложно. Я вновь взялся за чтение. А потом увидел двоих, неровно шагающих. Приглядевшись, узнал Габдулла Ахметшина и Даги. Ладно, Габдулла-агай взрослый человек, но сколько мог бы написать, если бы не эта дурная привычка. Но Дагию-то что?

22 июня... вечером зашел к Дагию. Завтра утром он уезжает домой, нужно проводить. У него были чуваш Макар, украинец Пальчик. Читали Есенина, потом разбирали стихи Дагия.

23 июня... проводил Дагия в Уфу».

Мадхинур Хайрулловна была даже в приятельских отношениях с Шайхлисламом Вафиним, отцом Нурании, который был отменным портным, и мужским, и женским мастером. Захаживала по необходимости, а тут, уезжая в отпуск отдыхать по путевке в санаторий Юматово, занесла ключи и попросила слепую тетушку Мархабу остаться в доме, цветы полить, да сына встретить, если придет на выходные. Эти ключи и стали «ключами от счастья». Дагий приехал через пару дней, да не один, с друзьями: молодым начинающим поэтом Рафаэлем Сафиним и более старшим товарищем, драматургом Габдуллой Ахметшиным, своим одноклассником по Литературному институту. Дом оказался закрыт и Дагий по предупреждению матери пошел за ключами и... вот тут-то встреча и состоялась... Как гром среди ясного неба.

Летом 1952 года им обоим было по 25 лет, у каждого за плечами опыт неудачного брака, потеря ребенка. Думаю, разочарование и... что-то еще, что дало всколыхнуться чувствам с такой силой, что Дагий, забыв о друзьях, не отходил ни на шаг, как приклеенный, стоял возле дома Нурании. На следующий день он пришел с предложением руки. Нурания отказывала, ссылаясь на то, что она уже замужем. Дагий все выяснил, навел справки и сказал: «Ну, мужа у тебя никакого нет. Я буду твоим мужем, ты будешь моей музой, писательской женой. Мы будем богаты, я буду писать тебе стихи, каждое утро буду будить тебя своими песнями, ты родишь мне дочерей, похожих на тебя, таких же красавиц, мы будем жить долго и счастливо...» — словом, все то, что говорят поэты в таких случаях. Нурания пряталась от него, ее родители пытались вразумить, сказать, что так не бывает, нельзя все решать с ходу, что и мать нужно спросить, но доводы рассудка не были услышаны. И Нурания сдалась, уступила его настойчивым преследованиям, его странной убежденности. Слишком пылким и красивым был мой отец. Я думаю, он был поэтом-романтиком, мчащимся за призрачным счастьем. А возможно, его гнала сама судьба. Я пыталась восстановить картину событий, часто представляя, как это было. Расспрашивала у матери.

Из дневника Рами Гарипова. Запись, сделанная позже. 2 октября 1952 г.:

«...Летом он опять испортил все дело. Завершив Дагий первый, я второй курс, пригласив с собой Асхата (Асхат Ашрапов учился на операторском отделении во ВГИКе, в последующем главный оператор киностудии «Казахфильм»), мы должны были отправиться в фольклорную экспедицию по Башкортостану. Об этом мы разговаривали всю зиму. Во что бы то ни стало мы должны были достичь намеченных планов. Не получилось. Дагий, не сдав последний экзамен, даже не сделав попытку пересдать его, уехал в Уфу. К моменту нашего с Асхатом приезда он уже устроился на работу в «Литературный Башкортостан», про фольклор и думать забыл. Пришлось ехать вдвоем. Лето провели с пользой. К нашему приезду Дагий уже успел жениться».

*Р.Гарипов и Д.Бабичев
с писателем Степаном Злобиным*

Через две недели после такого «знакомства» мои будущие родители расписались в загсе и Дагий повез молодую жену в санаторий Юматово, чтобы представить ее своей матери. Естественно, Мадхинур Хайрулловна не поняла и не приняла столь легкомысленный поступок сына. И этот холодок неприятия свекровью снохи распространился и на последующую совместную жизнь. А со стороны молодых, что это было? Любовь или страсть? Возможно, так предопределили небеса. Как говорила моя бабушка, «тыуаһы йәндәр булғандыр», что означает: «Наверное, были души, ждущие своего рождения».

Дагий женился и уехал в Москву дальше продолжать учебу. Его ждали однокурсники, Литературный институт, кипучая студенческая жизнь, интересные лекции, поэзия и драматургия, которую он тоже бесконечно любил.

Продолжение записи от 2 октября:

«...От Нурунии сначала долго не было писем. Дагий не знал, куда себя деть. Каждое утро рассказывал свои сны. В один прекрасный день радость настигла всех. Дагий получил, наконец, долгожданное письмо от жены! Конечно, с Дагием у нас несогласия бывают, но что поделаешь. Живем вместе. За многие его качества я отношусь к нему с уважением. Многие его черты характера мне импонируют. Сейчас он пишет пьесу по повести Али Карная «Мы вернемся». Говорит: «Это — трагедия!» Очень увлеченно работает, все написанное читает мне. Как получится? Живем полуголодные. И у Дагия, и у Рафаэля (Сафин), и у Раиса (Низамов), и у Рами дела швах. Денег нет...

15 апреля 1953 г. ...продолжаю писать «Салавата», приехал Дагий, мрачный, жену Нурунию оставил в больнице. Вспоминал об умершей дочери Гузель. Собирается переводиться на заочное отделение. Я ему прочитал свеженарисованные страницы «Салавата», хотя думал, что никому не буду читать, пока не закончу.

Дагий перевелся на заочное отделение.

25 января... Прочитал «Овод» Войнич. Вдруг, неожиданно входит Дагий Бабичев. Рассказывал о событиях в Уфе. У него родилась дочь — Тансулпан».

Я родилась 15 мая 1953 года. Мое рождение примечательно было тем, что накануне Салаватский театр приехал на гастроли, и по традиции, поскольку моя бабушка была дружна с директором театра Ахмеровым, их семейство остановилось у нас. Вечером все дружно пошли на спектакль и даже Нурания, которая была на последнем месяце беременности. Видимо, спектакль был настолько интересным, что я активно начала подавать знаки, мол, мне бы тоже хотелось посмотреть... Впрочем, в роддом маму провожали всем гуртом актеры театра после спектакля. На рассвете я появилась на белый свет. Мама рассказывала позже, что я родилась с длинными, черными волосами и осмысленным взглядом, долго рассматривала палату. За окном занималась заря, зарделся рассвет, светила яркая утренняя звезда. И совершенно естественно, что меня так и назвали Тансулпан, что означает «утренняя звезда». Это имя было довольно редкое, в моде были имена другие, такие как Дилара или Майя. Тансулпан — старинное имя, встречалось тогда только в литературе, в пьесе Д.Юлтыя «Карагул», и вышла одноименная пьеса Кадыра Даяна. На этом имени настояла, конечно, Мадхинур Хайрулловна. И за это я была ей всю жизнь благодарна. С момента рождения я была окружена любовью. Все во мне души не чаяли. Говорят, чтобы искупать ребенка, бабушка в ванночку клала подушку, застилала кружевными простынями, отец пел. Как-то отец увидел, что в магазине привезли пианино. Воодушевленный, прибежал домой с сообщением и твердым намерением во что бы то ни стало купить в подарок месячной дочери настоящее пианино. Стали искать деньги — 600 рублей для того времени большая сумма. Сложили, что было: мамыны декретные, гонорар отца, зарплату бабушки, подзаяняли у соседей, кое-что продали и купили ведь! Пианино марки «Ростов-Дон» с мечтой, что дочь станет музыкантом. И хотя музыкантом я не стала, это пианино сопровождало меня почти всю жизнь. Я перевозила его с собой, куда только не приходилось переезжать. Недавно подарила его музею Давлекановской башкирской гимназии №3.

16 августа 1954 года родилась моя сестренка Танхылыу. Можно себе представить, как нелегко приходилось Мадхинур Хайрулловне, которая одна, работая в школе учительницей, обеспечивала бюджет разрастающейся семьи — сын студент, а тут «сноха каждый год рожает». Дагий перевелся на заочное отделение, пошел работать в редакцию районной газеты. Мама тоже решила выйти на работу и получила место учительницы начальных классов в Макяшевской семилетней школе. Дети оставались под присмотром бабушек. Проза жизни стала постепенно разъедать поэзию и любовную романтику, дети болели, Нурания изнывала в разлуке с детьми. Дагий пытался противостоять трудностям жизни, прокормить семью на скудную зарплату корреспондента газеты. Испытания оказались слишком жесткими. Дагию не хватало времени для свободного творчества. Написанное не всегда получало направление в печать. Он работал над пьесой «Багау Нуриманов», вышел в свет его рассказ «Чудесный сад», из которого он сделал пьесу для кукольного театра. Но по большому счету он не мог быть удовлетворен положением дел. Я думаю, творческий кризис, несовпадение его мечты с реальностью в некотором смысле омрачали настроение. Но что было причиной рокового события, так и осталось для нас тайной.

5 июля 1956 года после сдачи экзаменов летней сессии Дагий возвращался на пароходе из Москвы через Казань в Уфу. Недалеко от пристани города Сызрани случилась трагедия, которая оборвала жизнь 29-летнего, полного жизнелюбия, потенциальных возможностей, совершенно молодого человека. Огромное горе — потеря единственного сына — совершенно подкосило Мадхинур Хайрулловну. Она ездила на опознание в Саратов, но врачи запретили ей входить в морг, заявив, что сердце не выдержит. Так и приехала ни с чем. Позднее получили определение суда:

«Бабичев Догий Акрамович, следуя по реке Волга на пароходе «Первое Мая», уснул на палубе и в районе «Вязового переката» по неосторожности упал за борт. Принятыми мерами команды парохода труп Бабичева извлечь из воды не удалось. Бабичева Догия Акрамовича, безвестно отсутствующего с 5 июля 1956 г., признать умершим.

30 мая 1957 г. Нарсудья: Попов».

Вот и все. Страшный факт перечеркнул жизнь. В это нельзя было поверить: как можно уснуть и выпасть с парохода? Выдвигали версию убийства, но разбираться было некому... Не успев познать любовь и радость, обещанное счастье, прожив совместно разве что полгода из трех фактических, Нурания потеряла мужа, семью, надежды. Беда не приходит одна: мама пережила еще несколько тяжелых утрат подряд: в 1957 году похоронила своего любимого брата Ильхама. Он с ранением вернулся домой с войны, а после, подхватив туберкулез, умер в тридцать лет. В тот же год ушел из жизни отец, Шайхлислам, по той же причине. Туберкулез — страшный диагноз, унесший многих в этом роду. Вскоре настал ее черед погибать от этой, тогда еще неизлечимой, страшной болезни. Перед Нуранией захлопнулись двери школы, ей запрещено было общаться и со своими детьми. Ее положили в противотуберкулезный диспансер. Сестренку Танхылыу взяла бабушка Губайда, а меня по просьбе Мадхинур Хайрулловны оставили у ней, оформив опеку. Для Мадхинур Хайрулловны только внучка могла стать светом в окошке, дающим силы продолжать жить. А каково было для моей мамы Нурании остаться в 29 лет инвалидом первой группы, лишенной возможности работать в школе, ласкать своих детей? Ей нужно было выживать и она выкарабкивалась. Такое трагическое начало жизни наложило отпечаток на ее характер. Возможно, именно это делало ее немногословной, очень сдержанной, но вместе с тем угадывалась в ее таинственном взоре внутренняя сила духа. Нравственный стержень и благородство выделяли ее среди окружающих. И еще какая-то исключительность, человеческий талант и волшебные руки, которые озаряли все, к чему она прикасалась. Шила ли платье, вязала ли шаль, вышивала ли, сочиняла ли стихи и байты, растила ли цветы. Или, не имея специального музыкального образования, играла на мандолине, баяне, фортепьяно, пела — все у нее выходило исключительно хорошо. Вместе с тем, она была удивительно скромна и непритязательна. Каждое имя имеет свое значение и, естественно, влияет на своего носителя. Нурания означает «мать луча света». Она и была такой, она дарила свет, озаряя своей лучезарностью. Все рядом с ней рассветало. Я любила ее какой-то щемящей, недосказанной любовью. Раннее детство мое прошло отдельно от матери, я приходила к ней только в гости, возможно, потому мама оставалась для меня недосыгаемым идеалом. Между моими бабушками была колоссальная разница, как между небом и землей, и, возможно, потому, почти классовая неприязнь. Мы жили тогда в атеистическом обществе. Ска-

зять в школе, что ты веришь в бога, означало перечеркнуть свою жизнь. Губайда-нэнэм учила меня молитвам и говорила: «Ты незаметно их прочти про себя, не нужно, чтобы кто-то слышал». Нэнэм, естественно, читала мусульманские молитвы, а за стеной жили поп с попадьей. Поп нес службу в церкви, иногда громко пел «Отче наш»...

С мамой в Давлекановской школе №3

А я выясняла, кого чей бог раньше услышит и сколько же их? У каждого свой бог или один на всех? Нэнэм говорила, что только мусульмане благоверные, а русские — кафиры. Но дело было в том, что я изначально знала, что бог есть, и он один, и он внутри нас. Откуда было это знание? У меня даже молитва своя была, которая начиналась так: Боже, ты един, я знаю, на каком бы языке я не молилась, ты услышишь меня, потому что слова мои чисты и искренни...

В 1965 г. после смерти Мадхинур Хайрулловны я перешла жить в другую семью, с другим укладом, ценностями и приоритетами, где нас было уже четверо: мама, Губайда-нэнэм, сестренка Танхылыу и я. И если с Мадхинур Хайрулловной я познавала социум, психологию и логику поведения в обществе, то с бабушкой Губайдой я выясняла вопросы религии и бога. Мама на то время уже, с помощью молитв, которые читала нэнэм, и козьего молока, победила болезнь. Ей врачи вновь разрешили работать с детьми. Она начала преподавать башкирский язык и литературу все в той же Давлекановской средней школе №3. Эта школа, которая носит сейчас название башкирской гимназии, для всех нас стала родной.

Обретя свою маму, когда мне было двенадцать, больше мы с ней не расставались до конца ее жизни. И сколько бы я не повторяла слова благодарности за все, что она для меня сделала, мне кажется, все было лишь мизерной частью того, что я испытывала. Каждый человек есть продолжение кого-то, неосознанно наследующий хорошие или дурные качества характера, пристрастия и таланты своих предков. Чья-то энергия, чьи-то намерения и деяния ведут нас по жизни. Только прожив большую часть жизни, обретя мудрость, ты начинаешь смотреть на мир шире и глубже, перебирая события жизни твоих близких, можешь поискать ответы на вопросы, поставленные судьбой. Что есть человеческая судьба? Какова доля предначертанности свыше и собственной воли человека, прокладывающего жизненный путь? Каково твое предназначение?

Родовая память

Я люблю перебирать фотографии. Не современные, а те, простые, пожелтевшие от времени фотокарточки, которые по прошествии определенного времени являют собой исторический документ, доносящий до нас правду о времени в лицах, костюмах, атмосфере. Передо мной фотография, которую я знаю с детства. Уже тогда мне она казалась древней, потому что большинства изображенных на

Шайхлислам Вафин с семьей в 1914 г.

ней людей уже не было в живых. Моя бабушка по материнской линии Губайда-нэнэм, изображенная на фотографии молодой и красивой, была уже старенькой. Именно она, а затем мама передавали мне семейные истории рода Утыз-Имяни.

Этой фотографии 100 лет. В 1914 г. мой дед, отец моей матери Шайхлислам перед уходом на Первую Мировую войну привез свою семью из деревни Ново-Мрясово, где они проживали, в город Уфу, чтобы сфотографироваться на память. Шайхлисламу здесь 34 года, он запечатлен со своей женой Губайдой и детьми. Старшему Зуфару около 5 лет, Мидхату, второму сыну, нет еще и года. Губайда на сносях, дочь Нурдида родится в 1915 г., отец увидит ее уже выросшей. Во втором ряду, справа, младший брат Губайды Закария, слева племянник Гумер.

Я восстанавливаю историю в памяти по обрывкам воспоминаний, маминых рассказов и подсчитываю годы, чтобы составить непрерывную цепочку. По мере того, как изображенные лица уходят вглубь времени, растет их эмоциональная сила. Фотография приобретает какую-то таинственную власть над прошлым и настоящим.

Шайхлислам, сын Мухамметвафы, родился в 1882 году в достаточно обеспеченной семье. Вероятно, получил образование в медресе, был грамотным человеком, читал и писал на арабском. Когда ему исполнился 21 год, его забрали служить в царскую армию. Отслужив 7 лет, пройдя сражения Русско-японской войны в Порт-Артуре, Шайхлислам говорил на русском, немного знал китайский и, думаю, четко расставлял жизненные приоритеты. Вернувшись с войны, он женился, заслав сватов к шестнадцатилетней красавице из деревни Таукуль (ныне Абдрашитово Альшеевского района). Девушку звали Губайда Акбердина.

Мать Губайды была из образованной по мусульманским канонам семьи, проживавшей в Бугульминском уезде. Примерно в 1893—1894 гг. они с мужем (к сожалению, имена не сохранились в памяти) и двумя детьми, трехлетней Мархабой и Губайдой, которая была еще грудным ребенком, совершили хадж. К несчастью, в пути муж подхватил оспу, тяжело заболел и умер. Мархаба, переболев оспой, ослепла. А кормящую женщину и младенца болезнь обошла стороной. Моя пра-

бабушка, похоронив мужа в Мекке, с грудным ребенком на руках и ослепшей трехлетней дочерью сумела вернуться домой. Вдова муллы поставила на ноги троих детей, хотя жили они небогато. По всей вероятности, она позже еще раз вышла замуж за муллу в деревне Таукуль. У Губайды был еще младший брат Закария. Мать дала согласие на брак Шайхлислама и Губайды с условием, что Шайхлислам возьмет под свою опеку и старшую слепую сестру Мархабу и будет проявлять заботу о ней. Шайхлислам всю жизнь содержал и слепую Мархабу, опекал младшего брата Закарию, хоть Губайда в шутку обижалась на свою мать, что та отдала ее за старого солдата. Каждый раз, перебирая старые фотографии, я словно глажу кончиками пальцев обрывки прошедшего времени.

Пришла Губайда невесткой в богатый дом родителей мужа: свекра Мухаметвафы и свекрови, у которой было сложное многоступенчатое имя, оно состояло из четырех имен, ее звали Биби-Галима Хайрельбану-Жихан; по рассказам бабушки, это была очень мощная и властная женщина, которую чтили все в округе. Она была повитухой, сама принимала на свет своих маленьких внуков и потом передала свое умение и знания невестке Губайде, которая позже принимала на свет своих маленьких односельчан. Это была не просто зажиточная, а просвещенная и передовая в своих взглядах семья, которая стремилась дать детям образование.

Вскоре Шайхлислам выстроил для своей семьи большой, с огромным двором и «русскими воротами» дом. Говорят, Шайхлислам любил шиковать. В соседнюю деревню в гости ездили — тарантас тройкой лошадей запрягали. Молодой жене покупал золоченые браслеты из серебра, усыпанные камнями (аналог я видела позже в музее Бахчисарайского дворца), серьги и кольца, серебряные нагрудные украшения, они передавались по наследству. Однажды Шайхлислам продал на базаре корову и купил на вырученные деньги граммофон. Весть о том, что молодой бай привез «самопоющую машинку», быстро распространилась по деревне. Шайхлислам открывал окна, ставил на подоконник граммофон и сиреневый сад наполнялся звуками чарующей музыки, да так, что за Уршаком в чувашской деревне в пляс пускались. Шайхлислам ушел на войну в 1914, по ранению попал в госпиталь. Затем революция и гражданская. Сначала воевал в армии Колчака, потом у красных. Имел Георгиевский крест, но поскольку он его получил в царской армии, награда уже не представляла ценности. В общей сложности отслужил Шайхлислам 15 лет. Вернулся после гражданской в 1919 г. От его былой мощи и богатств мало что осталось. «Большие ворота пошли на растопку печи, граммофон забрали зеленые, а может красные, кто ж их разберет, мы с детьми прятались в погребе», — рассказывала нэнэм. Но главная ценность для Шайхлислама — семья, его жена Губайда, сохранившая детей, дом, все это вновь было с ним.

Жизнь продолжалась, рождались дети: Расида (1920 года), Ильхам (1924 года), Нурания (моя мама, 1927 года), Наркэс (1929 года), Фирзан (1930 года). В эти тяжелые годы, пережив голодомор, коллективизацию, потом войну, Шайхлислам не потерял своей выправки и деловитости. Он начинает заниматься выделкой шкур и шить дубленки. Семье приходилось туго, от раскулачивания спасло только то, что Губайда была повитухой в деревне да солдаткой, прокормившей десять ртов. Пожалели.

Из десяти родившихся на свет детей до старости дожили только трое. Мидхат, Нурдида и Нурания. Сам Шайхлислам прожил 75 лет, до глубокой старости

оставаясь верным ремеслу портного. Губайда-нэнэм дожила до 87 лет. Сама себе целитель: керосин да соль — вот два лекарства, которые признавала нэнэм. Да, главное, молитва — обязательные 5 намазов в день. Именно это помогало ей пережить потерю детей, голод, войны и оставаться при этом моложавой, приветливой и гостеприимной.

Мидхат-абый воевал уже в Великую Отечественную, был награжден орденом Красного Знамени, дошел до Берлина. Был как заговоренный, ни одного серьезного ранения. После войны жил в Казани. Сейчас там живут его дети, мои двоюродные сестры Резеда — бывший инженер и Райса, врач-невропатолог. Доброжелательность и внутреннее спокойствие всегда отличали их.

Нурдида-апа прожила долгую неординарную жизнь, она обладала даром предсказательницы. Была неким «деревенским оракулом». Непредсказуемость, взрывной темперамент и свой необычный талант она передала детям. Мои двоюродные братья Шамиль, Рамиль — мастеровые; сестра Гульсум — адвокат и Гульсина — учительница.

Нурания, моя мама, самая младшая. Дар целительства был передан и ей. Она видела вещие сны. И все родичи, кого я помню и знаю со стороны матери, называли себя «Утыз-Имэни нәселе», т.е. потомки Габдрахима-хазрета Утыз-Имяни.

Кто же он, Габдрахим ал-Булгари, взявший псевдоним по названию своей деревни Утыз Имян (Тридцать дубов)?

Габдрахим Утыз-Имяни (1754—1834) считается крупным ученым-богословом, чьи взгляды оказали большое влияние на татарское и башкирское общество XIX века. Он родился в деревне Утыз Имян Чистопольского уезда Казанской губернии. Его отец Усман бине Сармаки умер до его рождения, а мать Гафифа умерла, когда ему было всего два года. Сирота воспитывается в семье родственников при деревенском медресе, рано начинает учиться у муллы Вильдана. Далее он обучался в медресе села Каргалы под Оренбургом. Но как он туда попал?

В начале 70-х годов XVIII в. в Башкирию пришло много переселенцев мишарей. Вот и пришел из д. Утыз Имян восемнадцатилетний юноша и нанялся пасти скот у башкир. Жители Мрясово удивляются учености юного пастуха. Весть доходит до Госман-кантона. В то время тридцатидвухлетний Госман Ибрагимов переживал большое горе, у него утонул сын-подросток в реке Уршак. Смекалис-тый и талантливый Габдрахим своими стихами и не по возрасту зрелыми рассуждениями о жизни и смерти находит путь к его сердцу, становится утешителем в горе. Восхищенный способностями Габдрахима, кантонный начальник Госман покровительствует юноше, приближает к себе, берет писарем, затем посылает учиться в медресе села Каргалы. Фактически Габдрахим становится приемным сыном Госмана.

Госман (Усман) Ибрагимов (1722 г.р.) — чиновник в управлении 7-го башкирского кантона, старший сын кантонного начальника Ибрагима Мрясова. Ибрагим с середины 1750-х гг. занял должность отца, Мряса Юлумбетова (о нем говорится в договорной записи о припуске мишарей на вотчину минцев (1732 г.)), и до конца жизни оставался на этой должности, несмотря на активное участие на стороне повстанцев в восстании 1773—1775 гг.

Известно, что Габдрахим учится в Каргалах, заводит семью (1777 г.): жена Хамида, сыновья Камалетдин (1778 г.), Ямалетдин (1781 г.), Ялалетдин (1783 г.), Ахметжан (1786 г.). В 1788 г. вместе с семьей переезжает в Бухару.

В Бухаре Габдрахим несколько лет обучается у известных исламских ученых, потом сам становится мударисом — преподавателем, имамом Бухарской мечети, преподает в различных медресе, путешествует по городам Акча, Туфи, Самарканд, Шахимардан.

В 1796 г. уезжает в Афганистан, посещает древние культурные центры. В своих воспоминаниях пишет: «С детства был сиротой. Став взрослым, тоже оставался бедным. Но, несмотря на это, побывал во многих странах, встречался со многими учеными. Посещал город Хорезм, жил в Бухаре, Балхе, Герате, Кабуле». В Афганистане он изучает хадисы и сунны у последователей известного шейха из Индии Валиуллы ал-Дахляви. В Индии и близлежащих странах существовала школа хадисоведения, самая сильная в исламском мире на тот период. В 1798 г. в местечке Каурмач умирает его жена, Габдрахим глубоко переживает горе и с детьми возвращается на родину. Но в родной деревне Утыз Имян (нынешнее название Новые Кади Черемшанского района Татарстана) ему не дают землю для постройки дома, ибо отец его был из Темяшево. В возрасте 44 лет едет на родину отца, но и в Темяшево ему также отказывают. После чего Габдрахим возвращается в Башкирию, в Мрясово, где был официально усыновлен кантонным начальником Госманом, и получает землю для себя и своих сыновей. «Бохарадан кайтканда, Эстәрлетемак өязе Мерәс ауылында башкортлар түрәсе Локман кантон ибне Госман бине Ибрагимның югалган Габдерәхим исемле угылы буларак, һәр ике тараф ризалыгы илә хөкүмәт дәфтәренә язылган. Ошбу сәбәптән, мишәр буларак доньяга килгән хәлдә, саф башкорт буларак доньянан киткән» (Фахретдинов Р. Асар. Т. I. Казань. 2006 г.).

«По возвращению из Бухары, в деревне Мрясово Стерлитамакского уезда, предводитель башкир Локман-кантон Ибрагимов записал Габдерахима сыном Госмана, вместо потерянного, по обоюдному согласию в государственную книгу. А по сему, рожденный мишарином, он уйдет из жизни настоящим башкиром» (Риза Фахретдинов. Асар).

Разница в возрасте с Локман-кантоном — 30 лет. Он записывает его сыном отца, то есть своим братом Габдрахимом Усмановым.

Сын Госмана — Локман Усманович Ибрагимов (1784 г.) на службу поступил в 1801 г. В 1806 г. он — зауряд-есаул. В 1806—1807 гг. в составе башкирского полка воевал в Польше и Пруссии. С 1809 по 1814 гг. служил юртовым старшиной, с 1814 по 1818 гг. — помощник начальника в 7-м башкирском кантоне, с 1820 г. — начальник 7-го башкирского кантона. В 1835 году получил воинское звание сотника, в 1838 году — есаула. Локман Усманов в 1813 году пожертвовал армии четырех строевых коней и удостоился высочайшего благоволения Александра I. Он владел 3700 десятин земли, имел 6 мельниц, поташенный завод.

В Мрясово в 1795 г. всего 25 дворов и 125 башкир. В 1816 г. — припущенные башкиры из мишарей составляют уже 285 человек.

По документам переписей населения в 1811, 1816, 1834 и последующие годы: Габдрахим Усманов из деревни Мрясово 7-го башкирского кантона. Были у него жены Бибия, потом Фатхия, шестеро сыновей и трое дочерей. Дети его (по свидетельству Р.Фахретдинова) тоже жили в деревне Мрясово. «Ахмәтжан исемле углы язуга маһир була. Углары исә бу көндә Уфа янында Уршәк елгаһы буенда Мерәс аулында яшиләр. Жамалетдин исемле угылы да шул Мерәстә яшәп, 1890 елда вафат булды» (Р.Фахретдинов, там же).

«Часто наезжал Габдерахим Усманов в знаменитое в те годы медресе села Стерлибашево, некоторое время давал там уроки, общался с известным богословом ишаном Нигматуллой и даже спорил с ним, осуждая схоластические методы обучения в медресе», — пишет Гайса Хусаинов в статье «Утыз-Имяни в Башкортостане» (Литература. Фольклор. Литературное наследие. Уфа, 1976 г. кн.2. С.163—172).

Среди сохранившихся рукописных книг библиотеки Стерлибашевского медресе есть и такие, которые читал, переписывал и комментировал Габдрахим Усман. Это, например, объемистые тома таких поэтов и мыслителей, как Саади, ал-Газали, Якуб Бухари, Шамсиддин ал-Хорасани. Габдрахим Усман с особым почитанием относился к средневековому иранскому философу и теологу Мухаммату ал-Газали (1058—1111). Значительная часть переписанных и оригинальных произведений Габдрахима Усмана относится к периоду жизни в Мрясово и Стерлибашево. Тот же Риза Фахретдинов пишет о том, как широко были распространены в Башкортостане книги и другие материалы, связанные с его деятельностью. Сэсэн Габит Саитов вспоминает, что его отец имел книги Габдрахима на фарси и тюрки. По документам переписки можно сделать вывод, что писатель жил обычной жизнью крестьянина, ни муллой, ни учителем в Мрясово не был. Несмотря на это, его почитали за ученость и называли Габдрахим-хазрет. Именно здесь, в Башкортостане, он, по-видимому, получил возможность для активной творческой работы, что приходится на вторую половину его жизни. О годах, проведенных в Средней Азии, поэт с горечью писал: «Проходит жизнь моя в печали и на этой юдоли земной, Уйду, как скиталец бездомный, не достигнув цели желанной...»

О суфийском образе его жизни сохранились предания. Рассказывали, что он указывал, где нужно рыть колодец, чтобы найти воду. Есть родник, который забил после того, как хазрет указал своим посохом. Он исцелял людей молитвой. Однажды, когда его жена Бибия, будучи беременной, зимой сильно захотела поесть ягод, Габдрахим Усман сказал: «Спустись в погреб, там и зимой растут ягоды». «И действительно, — рассказывала потом Бибия про чудо, что сотворил ее муж, — вся земля была усыпана спелой земляникой. Я вдоволь наелась!» История передавалась так ярко, что прошла через века. Кто знает, что это было? Возможно, Габдрахим обладал гипнозом или другими экстрасенсорными способностями. Несомненно, он был посвященный в суфии.

Все дни свои он проводил за работой. Гайса Хусаинов пишет: «Габдрахим Усман оставил обширное творческое наследие. Из почти ста его произведений ныне известны около шестидесяти (Описание рукописей, Казань, 1968 г., вып.12. С.47—48). В своих стихах он сосредотачивает внимание прежде всего на сложности и противоречивости бытия, неравенстве людей, которых разделяют богатство и бедность, знания и невежество, человечность и жестокость. Поэт осуждает жадных богачей, лукавых мулл, алчных ишанов. Известно, что за критические высказывания в адрес религиозных деятелей поэт был заключен в тюрьму. Размышления о причинах господствующей в мире несправедливости приводят его к мысли, что зло коренится в невежестве, в недостатке знаний. Все добро, счастье и достаток от знания. Эта мысль о могучей облагораживающей силе знания и просвещения составляет основу сборников Габдрахима Усмана ал-Булгари». Известно также, что Габдрахим организовал несколько центров по переписыванию редких болгарских книг,

благодаря чему до нас дошли многие болгарские памятники, и среди них «Кисса-и Юсуф» Кол Гали.

Среди его рукописей есть не только поэтические, но и прозаические произведения, а также труды по различным отраслям науки: языкознанию, мусульманской философии и праву, медицине, астрономии, торговому делу и др. Например, он пишет:

«...О мужестве. Если ты мужчина, покажи это стране. Будь настоящим другом. Будь справедливым, не причиняй никому вреда даже размером с пылинку. Не злословь, а в ответ таким лишь смейся. Не гордись своей красотой, она не вечна. Не стремись к власти и выполняй веления Всевышнего. Береги язык, глаза и руки от греха, чтобы потом не каяться в день суда». Этого постулата придерживались все в роду Утыз-Имяни.

Большое количество переписанных книг находилось в Мрясово у его сыновей. Жамалетдин и Ахметжан продолжали дело отца. Ахметжан ал-Булгари (1786 г.) — сын Габдрахима, унаследовал от отца своего и его литературный псевдоним, и взгляды на поэтическое творчество. В своих произведениях он также развивал темы, разоблачающие пороки общества. Преподавал в Стерлибашевском медресе. Сыновья Ахметжана ал-Булгари — Мухаметвафа (1817 г.р.) и Магсум (1827—1934) в 1882 г. основали хутор Ново-Мрясово. Их называли «яңылар», т.е. новые.

У Жамалетдина (1781 г.) было 5 сыновей. Одного из внуков я знала, видела воочию в детстве. Зиятдин-бабай казался мне в детстве очень древним, хотя 85 лет — вполне нормально для этого рода.

Мухаметвафа имел четырех сыновей: Ахметсафа (1864 г.), Шейхисади (1870 г.), Шейхигаттар (1875 г.), Шайхлислам (1882—1957) и дочь Марзию, их дети носят фамилию Вафины (фамилия идет от имени деда). Младший брат его Магсум-мулла был могучего телосложения, прожил 107 лет и, говорили, что именно этот внук внешне был очень похож на своего деда Габдрахима Утыз-Имяни ал-Булгари.

Губайда-нэнэм еще помнила седобородого Ахметжана, которого все дети называла «зур эти», т.е. «большой папа». Большое количество книг, рассказывала нэнэм, хранилось у них, в доме правнука Шайхлислама, но в годы революции, когда деревня переходила из рук в руки, книги вместе с ценностями вынесли из дома. Ценности экспроприировали, книги выбрасывали. Но ценности нравственного порядка не вытравились катаклизмами времени.

Дети Магсума: Хэйерлеберия, Аубакар (1818 г.), Гумер (1923 г.), Усман (1928 г.). Их потомки сохранили фамилию Ахметзяновы. Один из сыновей младшего сына Усмана Магсумовича — Ашраф Ахметзянов, после деревенской школы окончил Институт восточных языков в Москве, работал специальным корреспондентом газеты «Известия» и в посольстве СССР в Афганистане. Я хорошо знаю Хамзу Гумеровича, который всю жизнь проработал учителем в школе, а в старости стал муллой. Его сын Закир Хамзиевич Ахметзянов — директор школы села Ново-Мрясово, историк, составитель шежере рода.

Почти все потомки Утыз-Имяни так или иначе несли просвещение в народ, много было среди них школьных учителей, которые выше всего ценили божественные каноны, стремились дать детям знания и соблюдали нравственные каноны великого предка.